

Чтобы понять жанр книги «Modals in the languages of Europe», отечественному читателю проще всего вспомнить типологическую серию под ред. В.С. Храковского: каждая глава в рецензируемой монографии представляет собой очерк модальных слов в одном языке или в группе родственных языков. Помимо индоевропейских языков рассматриваются мальтийский, арабский, прибалтийско-финские, венгерский, берберский, баскский и некоторые тюркские языки. В общем в книге с разной степенью подробности анализируются данные более чем сорока языков. Забегая вперед, заметим, что выбор языков Европы в качестве объекта исследования не оправдался в том смысле, что типология модальных слов не обнаружила выразительных ареальных черт (если за ареал принять Европу). С другой стороны, набор исследуемых языков позволил увидеть контраст между теми языками, которые породили само понятие *modals*, в первую очередь германскими, и теми, которые не рассматривались с точки зрения этой «европейской» категории. Основным выводом монографии можно считать признание того факта, что класс модальных слов не является универсальным и во многих языках просто отсутствует.

Непростая задача в данном случае – определить объект исследования. Английский термин *MODALS* позволяет не уточнять часть речи изучаемых слов: в круг исследования закономерно попадают не только глаголы, но и наречия, и прилагательные, а иногда и морфемы. Редакторы сообщают, что рабочим определением модальных слов (*modals*) считались такие слова, которые выражают не менее чем два типа модальных смыслов, то есть являются многозначными. Этому определению отвечает, например, русское прилагательное *должен*, поскольку сочетает деонтическое и эпистемическое значения (*вы должны это хорошо понимать (~ обязаны)* – *Книга должна выйти в конце года (~ вероятно выйдет)*), а русское наречие *наверняка* – нет, поскольку имеет только эпистемическое значение. Критерий полифункциональности выбран в качестве определяющего потому, что полифункциональность может рассматриваться как проявление процесса семантического «выцветания» (*bleaching*), или десемантизации, являющегося одним из свидетельств грамматикализации.

Степень грамматикализации модальных слов является основным объектом исследования монографии, а теория грамматикализации – его теоретической базой. Поэтому сборник может быть интересен не только как

источник сведений о модальных словах, но и как пример исследования в парадигме теории грамматикализации. Некоторые статьи, например о романских языках, применяют различные критерии этого процесса настолько последовательно и прозрачно, что могут служить своего рода пособием по практическому использованию теории грамматикализации.

Монография открывается статьей трех авторов, известных исследованиями в области модальности: Т. Мортельманс, К. Бойе и Й. ван дер Ауверы. Среди рассмотренных германских языков (английский, нидерландский, немецкий, датский, исландский) наиболее высокое место на шкале грамматикализации занимают английские модальные слова, к ним приближается голландский. Особенность германских модальных слов состоит в том, что они явным образом представляют собой группу, особую в морфологическом, синтаксическом и семантическом отношениях; можно сказать, что они составляют отдельный грамматический класс. Их типичными свойствами является принадлежность к классу претеритопрезентных глаголов и способность сочетаться с так называемым *bare infinitive* – инфинитивом без частицы *to*. Многие модальные глаголы немецкого и голландского языков выражают немодальные значения – *er kann* – ‘он знает / он может’. Вообще, модальные глаголы одного и того же языка могут иметь разный набор свойств, свидетельствующий о разной степени их грамматикализации – в голландском наиболее грамматикализированными являются *moeten* и *zullen*, в то время как *willen* и *kunnen*, имеющие почти полный набор стандартных форм, некоторые чередования в основе и довольно широкий набор возможностей с точки зрения синтаксических типов актантов, находятся на другом конце шкалы.

В ирландском языке (П. Мак-Куиллан) наряду с глаголами рассматриваются безличные конструкции (ср. русск. *надо уйти*), которые формируются модальными прилагательными или существительным с исходным значением ‘сила’, использующимся в конструкциях со значением необходимости. Ирландские модальные вспомогательные глаголы, как правило, не имеют императива, не образуют отглагольных существительных и имеют одну форму для настоящего и будущего времени.

В весьма ясной и детальной статье о романских языках (Б. Корнили, В. де Мюльдер, Т. Ван Хеке, Д. Вермандере) рассматриваются не все модальные слова, а только те из них, ко-

торые выражают долженствование, в том числе в несонтических значениях (например, эпистемических). В четырех обсуждаемых в статье языках (французский, испанский, итальянский, румынский) обнаружено от семи (в итальянском) до трех (в румынском) модальных лексем. Рассматриваются не только собственно модальные глаголы, но и конструкции типа французской *avoir à* (интересно, что последняя имеется во всех четырех языках). Все формы и конструкции прошли процесс десемантизации, то есть развития более абстрактного модального значения по сравнению с исходным (немодальным) глаголом; у некоторых модальных глаголов развилось эпистемическое значение. Ни одна из рассматриваемых единиц не прошла процесс так называемой фонетической эрозии (по-английски *erosion* или *attrition*), ср. англ. *gonna* ← *going to*; впрочем, с уверенностью это можно было бы утверждать, только детально исследовав их фонетические свойства. В качестве одного из критериев перехода в разряд вспомогательных глаголов рассматривается способность некоторых романских модальных глаголов иметь препозитивную местоименную клитику. В современном французском это невозможно, но в испанском и итальянском в ряде случаев является нормой. Авторы делают вывод, что романские модальные единицы не формируют единой парадигмы – с точки зрения всех примененных критериев они ведут себя неодинаково, и предлагают следующее объяснение: модальные глаголы не имеют грамматической мотивации, подобной временным или видовым вспомогательным глаголам или морфемам, они в значительной степени зависят от намерений говорящего и его выбора. Кажется, что такое предположение помещает нас в замкнутый круг: мы пытаемся объяснить степень грамматикализации языкового явления его грамматической / неграмматической природой. Если бы такая логическая цепочка работала, то, видимо, в языках мира не могло бы в принципе возникнуть модальных морфем. Между тем они существуют даже в индоевропейских языках Европы (например, латышский дебитив).

В главе про греческий (Анастасиос Цангалидис) в ряду модальных средств рассматриваются не только модальные глаголы и частицы, но и, несколько неожиданно, формы наклонения (императив vs. неимператив). Конечно, косвенные наклонения являются средством выражения модальности, но в других главах книги они исключены из рассмотрения. Греческие частицы обычно тоже относят к перифрастическим средствам формирования наклонений (аналогично русской частице *бы/б*): они не сочетаются с императивом, и это позволяет

считать их принадлежащими к той же парадигме. Греческим частицам *θα*, *να* и *ας* посвящена богатая литература; статья изобилует отсылками к работам предшественников, что несколько затрудняет чтение. Автор утверждает, что сочетаемость этих частиц с глагольными формами и семантические эффекты, которые возникают в результате этих сочетаний, аналогичны тем, которые наблюдаются у модальных глаголов. В качестве модальных глаголов рассматриваются два: *prepi* 'быть должным' и *boro/bori* 'мочь'. Эти глаголы отличаются от обычных тем, что они не имеют лично-числового согласования. Они полифункциональны, каждый из них выражает несколько типов модальности.

Славянские языки (Д. Бестерс-Дилгер, А. Дробнякович, Б. Ханзен) отличаются большим морфологическим разнообразием модальных слов (только в русском они представлены тремя частями речи – глаголами, наречиями и прилагательными; в некоторых языках регулярно используются и существительные). Тем самым, в отличие от английских модальных слов, славянские не имеют специфических для них черт общего морфологического маркирования. В то же время они, как правило, грамматически отличаются от других слов соответствующих частей речи – так, глаголы обычно не имеют императивов, могут быть лишены видовой характеристики. На с. 178 приведен полный список модальных единиц в 12 славянских языках (включая старославянский). По непонятной причине в этом списке нет русского *нужно* (но есть *надо* – кажется, сегодня они являются почти полными синонимами и оба весьма частотны). В статье различаются три типа синтаксического кодирования аргументов в модальных конструкциях: номинативный (*мы можем*), дативный (*нам можно*) и с опущенным аргументом (*можно*). Все конструкции анализируются в соответствии с двумя признаками: тип кодирования аргумента и тип согласования, состоящий из двух признаков: а) наличие / отсутствие согласования, б) согласование на модальном слове / на лексическом глаголе. Например, конструкция *мы можем работать* принадлежит к типу «номинатив; + согласование на модальном слове; – согласование на лексическом глаголе». В русском языке отсутствуют те типы, где согласуется лексический глагол; они встречаются только в южнославянских языках, в которых нет инфинитива. «Безличные» конструкции, характеризующиеся полным отсутствием согласования и опущенным или дативным субъектом, оказываются типичными для модальных слов, выражающих необходимость (исключая эпистемическую). Авторы объясняют этот факт

тем, что необходимость ощущается как нечто внешнее по отношению к личности. Безличные модальные конструкции в целом менее полифункциональны и демонстрируют больше ограничений разного рода, чем личные, что может говорить о меньшей степени их грамматикализованности. В ряде славянских языков система модальных слов подверглась влиянию со стороны соседних неславянских. Так, в некоторых языках есть глаголы, заимствованные из немецкого (чешский *muset* < *müssen*, *dyrbjeć* < *dürfen*). «Западным» влиянием, с точки зрения авторов, может быть объяснено распространение в некоторых языках номинативно-личной конструкции, аналогичной той, которая распространена в немецком языке. Наилучшим образом исходную систему сохранил русский, однако, по мнению исследователей, не исключена возможность того, что тенденция к безличности сформировалась под влиянием уральского субстрата.

Между тем авторы статьи про прибалтийско-финские языки (П. Кехайов, Р. Торн-Лезик) на материале эстонского, ливского, водского, финского, ижорского, карельского и вепсского языков обнаруживают сходное распределение: модальные наречия характерны для восточных языков, модальные глаголы – для западных. Это ареальное явление отнесено к контактным: наречия считаются следствием влияния восточно-славянских языков на восточно-балто-финские.

Интересно, что в латышском и литовском (глава о балтийских языках, А. Хольвут) мало общих модальных слов, то есть таких, которые восходили бы к протобалтийскому. Среди средств выражения модальных значений рассматривается латышский дебитив. Традиционное описание его как наклонения, с точки зрения авторов, неадекватно: показатель дебитива может сочетаться с показателем косвенного наклонения (ирреальный дебитив). В статье предложено считать дебитив агглютинативной глагольной формой, которая включает в себя модальный вспомогательный глагол. Дебитив является безличной формой, как и некоторые латышские и литовские глаголы, выражающие необходимость. Наличие безличных модальных форм создает параллель между балтийскими и соседними славянскими языками. Ни один из безличных модальных глаголов не может иметь эпистемического употребления, в то время как личные глаголы такие значения имеют, приближаясь тем самым к среднеевропейскому стандарту. Сопоставляя балтийские языки со славянскими, автор приходит к выводу, что в целом безличные модальные слова реже развивают эпистемические употребления. В самом деле, русск. *может* часто имеет эпи-

стемическую интерпретацию, в то время как безличное наречие *можно* в таком значении не употребляется. Модальные предикаты, выражающие возможность или необходимость, нередко обозначают более общую (генерическую) ситуацию, чем немодальные, утверждая, что некоторое положение вещей применимо к любому субъекту. Именно это делает их типологически вероятными кандидатами на безличность. Детально проанализировав балтийские модальные слова с точки зрения различных критериев грамматикализации, автор приходит к выводу об их относительно низкой позиции на этой шкале.

Понятие безличности используется и в статье о диалектах цыганского языка (В. Элшик и Я. Матрас), однако несколько в другом значении – как морфологическая безличность. Безличными конструкциями здесь называют такие, в которых модальное слово не имеет личного спряжения, даже если субъект присутствует и выражен номинативом. В отдельных диалектах, однако, встречаются конструкции, где номинатив невозможен, по-видимому, под влиянием славянских языков. Вообще, картина употребления модальных слов в цыганских диалектах сильно осложнена большим количеством заимствований из разных европейских языков. Как следует из других исследований этих же авторов по грамматическим контактным явлениям, модальность является зоной интенсивных заимствований. Забегая вперед, скажем, что в заключительной редакционной статье это утверждение поддерживается: в половине из почти пятидесяти рассмотренных языков имеется хотя бы одно заимствованное модальное слово (русский в другой половине). Авторы приводят интересные данные об асимметрии в области заимствований модальных слов: чаще всего заимствуются слова со значением необходимости (утверждается, что в раннецыганском вообще не было специализированных лексических средств для выражения необходимости: сегодня они либо заимствованы, либо являются результатом недавних процессов). На втором месте – модальные слова со значением возможности; наименее вероятно заимствование слов, выражающих желательность. Среди модальных средств цыганских диалектов нет клитик или аффиксов, даже в ситуации контакта с турецким или венгерским, где имеются модальные аффиксы.

Тюркские языки (Л. Йохансон) заметно отличаются в том отношении, что в них широко представлены модальные аффиксы, выражающие все виды модальных значений: возможность, необходимость, желательность (отметим, что в статье рассмотрены лишь те

аффиксы, которые выражают желание говорящего, меж тем как в тюркских языках есть и показатели деизидератива, см. о чувашском [Ханина 2004]). Как и модальные слова, эти аффиксы могут быть полифункциональными, совмещая, например, деонтическую и эпистемическую возможность. Напротив, многие лексические средства выражения модальности являются в тюркских языках заимствованиями (ср. в турецком *lazım* 'нужно' – арабск., в якутском *na:da* – русск. *надо*). Заимствованными автор считает также конструкции с субжонктивом при модальных глаголах – так, во многих диалектах турецкого при глаголе *хотеть* используется субжонктив (по аналогии с фарси).

Заключительная статья главных редакторов сборника, Бьёрна Ханзена и Фердинанда де Хаана, сводит многие сквозные линии, прослеживающиеся в сборнике, и предлагает некоторые обобщения. Авторы отмечают, что идущая от описания германских языков традиция выделять модальные глаголы как особый класс плохо применима к другим языкам: проведение ясной границы между модальными и другими глаголами нередко оказывается затруднительным. Более того, среди языков, рассмотренных в книге, встретился такой, в котором модальные слова появились лишь недавно, вследствие языковых контактов (кабийльский язык берберской группы).

По наблюдениям редакторов, продвигаясь по пути грамматикализации, модальные слова имеют тенденцию к приобретению морфологической дефектности, но сохраняют свой статус отдельных лексических элементов. Критерий полифункциональности оказывается релевантным: во всех европейских языках можно отделить многозначные модальные слова от лексем с модальным значением, ср.: польск. *móc* 'мочь' и *potrafić* 'быть, оказаться способным'. При этом если в германских и романских языках модальные глаголы подвержены десемантизации, то есть утрате исходного значения, то во многих других языках исходное значение сохраняется наряду с новыми; это явление названо *layering* (так сказать, наложение).

Редакторы предлагают карты распространения в Европе трех явлений: а) модальных

аффиксов – встречаются на востоке Европы (в тюркских и финно-угорских языках); б) отсутствия возможности маркировать субъект косвенным падежом (дательным, генитивом и именным посессивным маркером) – этим свойством обладают лишь германские языки и сербский, баскский, арабский и кабийский; в) различных типов маркирования видо-временных и лично-числовых значений.

Наконец, редакторы пытаются решить вопрос о том, можно ли модальные слова считать специфическим явлением средневропейского стандарта. Для этого они применяют четыре критерия «европейскости», предложенные М. Хаспельматом [Haspelmath 2001]. Не вдаваясь в подробности, скажем, что ответ отрицательный: из четырех критериев работает лишь один – модальные слова имеются в большинстве языков Европы.

Сложность и одновременно увлекательность предпринятого исследования связана в первую очередь с тем, что объект изучения во всех отношениях пограничен и потому отличается разнообразием: типологическое описание модальных слов нельзя полностью отнести ни к грамматической типологии, ни к активно развивающейся сегодня лексической (см., например [Майсак, Рахилина (ред.) 2007; Koptjevskaja-Tamm, Vanhove, Koch 2007]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Майсак, Рахилина (ред.) 2007 – Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Ханина 2004 – О.В. Ханина. Желание: когнитивно-функциональный портрет // ВЯ. 2004. № 4.
- Haspelmath 2001 – M. Haspelmath. The European linguistic area: standard average European // M. Haspelmath, E. König, W. Oesterreicher, W. Raible (eds.). Language typology and language universals. Berlin, 2001.
- Koptjevskaja-Tamm, Vanhove, Koch 2007 – M. Koptjevskaja-Tamm, M. Vanhove, P. Koch. Typological approaches to lexical semantics // Linguistic typology. 2007. 11–1.

Н.Р. Добрушина